

Свобода духа

Словосочетание «английский юмор» — почти тавтология. С детства два эти слова, объединяющие национальную принадлежность, способ мышления и литературную разновидность, для нас столь же естественны, привычны и нерасторжимы, как «немецкий порядок», «французское легкомыслие» или «испанская горячность». Вместе с тем английский юмор далеко не всегда так уж смешон. Полистайте подшивку английского юмористического журнала «Панч» и вы в этом убедитесь. Беседуют, к примеру, два ангела, один в очках, другой — без. Тот, кто без очков, говорит тому, кто в очках: «Не понимаю, почему вы не носите контактные линзы!» А вот еще один, тоже чисто английский диалог — на этот раз двух мышей. Первая, опытная, показывает второй на мышеловку с куском сыра и глубокомысленно замечает: «Будьте осторожны — тут что-то не то». Британец пошутит, а мы и не заметим, он словно бы стыдится собственного смеха, смеется уголком рта, чему-то своему, без нашей или американской непосредственности, заразительности. «Какой-то у тебя юмор английский», — говорим мы собеседнику, когда не вполне понимаем, что в его словах смешного.

Наверное, лучше всего английский характер и его производная — английский юмор — определяются английским же словом understatement: сдержанностью, недосказанностью, подтекстом, о чем писал в своей книжке «Как быть иностранцем», этом, ставшем теперь классическим, «путеводителе» по английским, довольно своеобразным, обычаям и нравам, английский юморист, венгр по происхождению, Джордж Микеш: «У иностранцев есть душа. У англичан вместо души — подтекст». Впервые, однако, с английским «андерстейтментом» мы столкнулись не у англо-венгра Микеша, а у нашего Пушкина. В «Пиковой даме» падение Германна и обморок Лизаветы Ивановны на похоронах старой графини потряс всех присутствующих. Кроме англичанина, который, услышав, кем приходится Германн покойнице, вмещает все свои эмоции — или их отсутствие — в один-единственный звук: «Oh?» В дальнейшем, правда, нашу веру в британское умение «властвовать собой» поколебали и Гончаров во «Фрегате „Паллада“», и Герцен в «Былом и думах», и Замятин, знавшие про английский национальный характер не понаслышке. И — уже в наши дни — леденящие кровь газетные сообщения

о буйстве английских футбольных болельщиков. Ныне миф об английской сдержанности и неэмоциональности развеян окончательно, однако в теории, на бумаге — в учебниках английского языка и туристических справочниках — он сохраняется, упрямо продолжает жить.

Вот и английский юмор, при более близком знакомстве с ним, не ограничивается метким замечанием, ядовитой усмешкой, умением с помощью иронического снижения (знаменитый английский anticlimax, к климаксу, впрочем, отношения не имеющий) осадить собеседника, понизить градус интеллектуальной полемики или бытовой перебранки. В реальности английский юмор далеко не всегда так сдержан и неуловим, как принято думать. Между чопорным джентльменом из учебника английского языка, который реагирует на нескончаемую болтовню собеседника язвительнейшими и плохо поддающимися переводу «Did you really?», «Sure enough» или «He was, wasn't he?», и каким-нибудь развеселым, неугомонным Дулиттлом (не из пьесы Шоу, разумеется, а из мюзикла «Моя прекрасная леди»), отпускающим неприличные шуточки в местном пабе, — дистанция огромного размера. Примерно такая же, как между добродушным, эмоциональным, обстоятельным юмором Диккенса и Джерома и тонкой, едкой, строго дозированной иронией Джейн Остен, «английского О. Генри» Гектора Хью Манро или Энгуса Уилсона, автора не только «проблемных» романов и новелл, но и очень смешной книжки юмористических рассказов и пародий с устрашающим, обыгрывающим знаменитое высказывание Джона Донна (и заглавие романа Хемингуэя) названием «По ком стучит заступ». Как между простодушным, незлобивым юмором Джерома и Патрика Кэмпбелла и гротеском «черных юмористов»: Джона Кольера, чьи «Причуды на сон грядущий» отбивают сон даже у самого бестрепетного читателя, Роалда Дала, владевшего высоким искусством пугать взрослых и смешить детей, или Гарольда Пинтера, умеющего даже в таких, казалось бы, легкомысленных, развлекательных театральных сценках, как «Остановка по требованию» и «Соискатель», создать у зрителя и читателя настроение полной безысходности.

Талант, в том числе и комический, не укладывается в схемы — вот почему все наши рассуждения об особенностях национального юмора к лучшим представителям этого жанра применимы с большой натяжкой. В литературной истории, особенно такой, как

английская, искусство комического (вспомним пушкинское: «страна карикатуры и пародии») необычайно многолико. Это и литературный анекдот, где классики подтрунивают — нередко довольно натужно — друг над другом, и идущая от Свифта сатира-иносказание, самым талантливым образчиком которой в XX веке, бесспорно, является еще недавно крамольный «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Это и трагифарс в исполнении Ивлиана Во, и гротески Флэнна О’Брайена, писателя и журналиста, отличавшегося типично ирландским — трагикомическим — видением мира. Это и комедия положений, где и сегодня бессменным лидером является самый, пожалуй, плодовитый и востребованный юморист двадцатого столетия Пелам Гренвилл Вудхаус, который, написав без малого сто книг, создав незабываемые образы слуги-интеллектуала Дживса, повесы Берти Вустера, незадачливого детектива Маллинера, газетчика Псмита и проходимца и вымогателя Стэнли Акриджа, мгновенно и надолго завоевал, пусть и с опозданием на полвека, российский книжный рынок. Это и ироническое эссе, которое сочиняли почти все крупные английские писатели двадцатого столетия: Бернард Шоу, Г. К. Честертон, Сомерсет Моэм, Дж. Б. Пристли, Олдос Хаксли, и литературная пародия, стилизация, бурлеск. Пародии отдали должное такие корифеи иронии и юмора, как Джейн Остен, которой удалось, несмотря на совсем еще юный возраст, едко и со вкусом высмеять в «Любви и дружбе» штампы сентиментально-любовной литературы конца XVIII века, как Стивен Ликок, Макс Бирбом, высмеявший в «Рождественской гирлянде» практически всех крупнейших англоязычных писателей своего времени, а также Джон Коллингс Сквайр, Дж. Б. Мортон и Морис Бэринг — поэт, лингвист, дипломат, переводчик (в том числе и Пушкина) и юморист, специализировавшийся на так называемом пародийном дописывании: в «Дочери короля Лира» и в «Репетиции “Макбета”». Бэринг, перечитывая классику, переносит читателя из времен британской «старшины глубокой» в атмосферу зошенковских коммунальных квартир.

Отметим, к слову, что литературная пародия — самый, пожалуй, заметный, наиболее широко представленный комический жанр в нашей книге. Для того, чтобы за пародией рассмотреть пародируемое, посмеяться вместе с Остен, Бирбомом, Беккетом, Мртоном, Бэрингом, от читателя, помимо вкуса и чувства юмора, потребуется и немалая литературная эрудиция. Наш современник Майкл Бирсфорд

Кингтон, юморист, джазист, популярный телекомментатор, работавший в 70-е годы в «Панче», в своей «перекрестной» пародии «Дело датского принца» ухитрился одним ударом расправиться сразу с двумя классиками: Шекспиром и Конан Дойлом.

И все-таки даже у таких непохожих писателей, как известный в свое время литературный хулиган ирландец Брендан Биэн, любивший «практические» шутки в жизни и довольно изысканные — в литературе, и признанный мэтр англоязычной юмористики Стивен Ликок, занимавшийся юмором не только на практике, но и в теории; у таких разностильных и разновеликих мастеров, как столп модернистской литературы Джеймс Джойс, профессионал от юмора Дж. Б. Мортон, ежедневно, на протяжении сорока лет, изобретательно шутивший на страницах «Дейли Экспресс» под псевдонимом «Лицо без определенных занятий», как Морис Бэринг, для которого юмор был скорее увлечением, чем профессией, — несомненно, есть что-то общее.

Авторов антологии английской комической прозы «Скелет в шкафу», от самого молодого — Майкла Кингтона, до самых почтенных — Свифта, Филдинга, Голдсмита, Джейн Остен, Диккенса, Макса Бирбома или Джона Коллингса Сквайра, с одинаковой легкостью подражавшего Китсу, Уайльду, Шоу и сенсационной журналистике, до мастеров доходчивого, общедоступного юмора П. Г. Вудхауса, Нэтта Габбинза и Патрика Кэмпбелла, — роднит вовсе не легендарный британский «андерстейтмент».

Во все времена британских писателей, вне зависимости от их мировоззрения, таланта, сферы литературных интересов и жанрового своеобразия, объединяла свобода самовыражения, литературная раскрепощенность, принадлежность к литературному процессу, в котором пародия, стилизация, ирония, подтекст, сатирическое иносказание — дань давней и прославленной традиции, а не стремление любым способом скрыть творческое своеволие, «протащить» запретную тему. Представителей английской литературы смеха — британцев, ирландцев, канадцев, австралийцев — объединяет завидная уверенность в том, что любой юмор — понятный и не очень, сдержанный, заразительный, простодушный, отточенный — дойдет до читателя без посредника, не будет в поисках крамолы, литературного саботажа тщательно просеян сквозь цензурное сито.

Не является ли эта уверенность проявлением той самой свободы духа, о которой с таким вдохновением, рассуждая об отличии русского и английского литературного сознания, писал в постскриптуме к русскому изданию «Лолиты» Владимир Набоков? Свободы духа, которой, несмотря на отмену цензуры, на долгожданную возможность печатать «1984» Оруэлла и «Собачье сердце» Булгакова, «Последнюю ленту Краппа» Беккета, «Заводной апельсин» Бёрджесса и «Зияющие высоты» Зиновьева, нам до сих пор так не хватает.

Английский литературный анекдот

Уильям Шекспир. Однажды, когда Бербедж играл Ричарда III^[1], одной вдовушке актер так полюбился, что она по окончании спектакля пригласила его прийти к ней в тот же вечер в костюме Ричарда. Услышав их разговор, Шекспир отправился к вдове раньше Бербеджа и с ней развлекался; когда же слуга объявил, что явился Ричард III, Шекспир заметил: «Вильгельм Завоеватель был раньше Ричарда III».

Джон Драйден. Драйден сам про себя говорил, что нрава он невеселого и особым чувством юмора не отличается. Тем не менее одна из его *bon mots* сохранилась. Поэт не особенно ладил со своей супругой леди Элизабет, на ней, если верить досужим сплетням того времени, его вынудил жениться один из ее братьев. Однажды леди Элизабет, на которую уединившийся в своем кабинете бард не обращал никакого внимания, не выдержала.

— Бог мой, Драйден, — воскликнула она, — сколько можно корпеть над этими пыльными фолиантами?! Жаль, что я не книга — тогда бы вы, может быть, уделяли мне больше внимания.

— Дорогая, — отвечал Драйден, — если вам так уж хочется быть книгой, будьте альманахом — тогда бы я менял вас каждый год.

Даниэль Дефо. Лет восемьдесят назад в деревне к западу от Труро, никак не меньше чем в пяти милях от приходской церкви, негде было помолиться. Здесь не было не только храма, но даже священных книг, если не считать молитвенника, стоявшего на полке в деревенском трактире рядом со знаменитой историей Робинзона Крузо. Однажды летом, испугавшись внезапно разразившейся сильной грозы, жители деревни сбежались в местный паб и попадали на колени. Молитву должен был читать отданный хозяйке в услужение молодой парень по имени Джек. В спешке вместо молитвенника схватил он с полки «Робинзона» и, опустившись на колени, стал, запинаясь и торопясь, читать из него. Наконец, когда он произнес имя Пятницы, хозяйка, сообразив, что произошло, закричала:

— Да ты не ту книгу взял, Джек! Ты молишься по «Робинзону Крузо».

Джек, однако, воспринял ее слова как оскорбление и как ни в чем не бывало продолжал читать, заявив, что «Робинзон

Крузо» способен остановить гром и молнию ничуть не хуже молитвенника.

Мистер Тони, почтенный олдермен из Оксфорда, так любил «Робинзона Крузо», что перечитывал роман Дефо каждый год, полагая, что все написанное в этой книге — чистая правда. На его беду, один приятель как-то объяснил ему, что вымысла здесь куда больше, чем правды, и что история шотландского моряка Александра Селкерка^[2], оказавшегося в результате кораблекрушения на необитаемом острове Хуан-Фернандес, сочинителем Даниэлем Дефо сильно приукрашена.

— Быть может, вы и сказали правду, — заметил олдермен, — но лучше б я ее не знал, ибо, раскрыв мне глаза на то, как обстояло дело, вы лишили меня одного из самых больших удовольствий преклонных лет.

Джонатан Свифт. Александр Поуп рассказывает:

— Как-то вечером мы с Геем решили навестить Свифта — вы же знаете, как мы были близки с ним. Декан встретил нас весьма сухо^[3]:

— Чем обязан, джентльмены? Что это вы вдруг решили променять знатных господ на бедного церковного настоятеля?

— Просто мы предпочитаем их обществу ваше.

— Если бы я не знал вас так хорошо, то, быть может, вашим словам и поверил. Что ж, коли пришли, прошу разделить со мной скромную мою трапезу.

— Благодарствуйте, — отвечал я, — но мы только что отужинали.

— Отужинали?! Но ведь еще нет восьми!

— И тем не менее.

— Странно, очень странно. В таком случае я ваш должник. Предположим, я угостил бы вас омарами. Скажем, по цене в два шиллинга. Пирог — кладите шиллинг. Надеюсь, что, хоть вы и ужинали сегодня раньше времени, чтобы разорить меня, вы сообразовали распить со мной бутылку вина?

— Увольте, мы пришли не пить, а разговаривать с вами.

— В таком случае считаем и вино — оно обошлось бы мне никак не меньше чем в два шиллинга. Два да два — четыре, да один — всего пять шиллингов. Вот, Поуп, ваши полкроны. А это — ваши, Гей. Должен же я, в самом деле, хоть как-то восполнить своим друзьям отсутствие доброго ужина, не так ли?

Однажды, когда настоятель собора Святого Патрика был в отъезде, а Стелла^[4] жила в доме его друга, человека славного, благородного и весьма гостеприимного, к нему приехал обедать один джентльмен, которому история отношений настоятеля и Стеллы была неизвестна. Поскольку в те дни только и было разговоров что о поэме Свифта «Каденус и Ванесса»^[5], гость заметил:

— Должно быть, Ванесса удивительная женщина, раз мистер Свифт сочинил о ней столь замечательную поэму.

Миссис Джонсон улыбнулась и ответила, что она в этом не убеждена, ведь хорошо известно, что Джонатан Свифт прекрасно пишет даже о метле^[6].

Однажды, совершая прогулку из Лондона в Честер, настоятель Свифт, прячась от грозы, стоял на дороге под раскидистым дубом неподалеку от Личфилда. Тут к нему присоединились мужчина и беременная женщина, также застигнутые грозой. Выяснилось, что молодые люди направлялись в Личфилдскую церковь, где их должны были обвенчать. Поскольку женщина была на сносях и нельзя было терять ни минуты, настоятель предложил молодым людям, что обручит их прямо здесь, под деревом. Предложение было с благодарностью принято, обряд бракосочетания совершен, и, когда небо прояснилось, молодые люди уже собрались было пуститься в обратный путь, но тут жених вдруг вспомнил, что без письменного свидетельства брак их недействителен. Вот что написал ему настоятель Свифт:

В листе укрывшись в дождь и ветер,
Мошенника и шлюху встретил.
Теперь их может развести
Лишь Тот, кто знает все и вси.

Александр Поуп. «Кто этот Поуп, о котором столько разговоров? — осведомился однажды Георг II^[7]. — Не могу взять в толк, чем он хорош. И почему мои подданные не пишут прозой? Я часто слышу и о Шекспире, но его я читать и вовсе не в состоянии — очень уж мудрено изъясняется».

Сэмюэль Ричардсон. Отрывки из «Памелы»^[8] поначалу печатались во многих газетах, в том числе и в Престоне, в Ланкашире, где тогда жила моя тетушка. Однажды утром,

подойдя к окну, тетушка увидела, что на колокольне развевается флаг, и услышала звон колоколов. Служанка, которую она вызвала, чтобы узнать, что происходит, влетела в комнату, сияя от счастья, и прямо с порога закричала:

— Разве вы не знаете, сударыня?! Бедняжка Памела наконец-то вышла замуж — об этом в утренней газете сказано!

Однажды, когда миссис Барболд ехала в почтовой карете в Хэмпстед, она разговорилась с сидящим рядом французом. Оказалось, тот специально отправился на экскурсию в Хэмпстед, чтобы «собственными глазами» увидеть дом на Флакс-Уоке, где жила Кларисса Гарлоу^[9]. Каков комплимент гению Ричардсона!

Генри Филдинг. При жизни Филдингу так и не довелось позировать Хогарту^[10]. Знаменитый художник написал его портрет по памяти и, несмотря на это, добился поразительного сходства. Рассказывают, что Хогарт обязан своим успехом Гаррику^[11], который неожиданно явился к художнику, на удивление точно копируя походку и манеры великого романиста.

Услышав, что его друг удручен, ибо погряз в долгах, Филдинг искренне удивился:

— Эка невидаль! Как бы я был счастлив, если б мой долг составил жалкие пятьсот фунтов!

Сэмюэль Джонсон. По словам миссис Дигби, ей и ее сестре миссис Брук, когда они жили в Лондоне, часто оказывал честь своими визитами доктор Джонсон. Однажды он посетил их вскоре после выхода в свет своего бессмертного словаря^[12]. Обе дамы всячески словарь расхваливали и среди прочего остались довольны тем, что в нем напрочь отсутствуют неприличные слова.

— Ага! Так, стало быть, вы их искали, мои дорогие! — вскричал моралист.

Одна весьма достойная юная дама была свидетельницей того, как принимали доктора Джонсона в литературном салоне покойной миссис Монтегю^[13].

Не успел наш литературный колосс войти в залу, как он был немедленно окружен несколькими юными дамами,

которые взирали на него так, словно он был каким-то чудовищем из африканских пустынь.

— Не бойтесь, сударыни, — успокоил их доктор Джонсон. — Я приручен. Вы можете даже меня погладить.

На обедах у адмирала Уолсингэма собирались такие разные люди, как герцог Камберлендский, доктор Джонсон, глазной врач мистер Нэрн, оперный певец мистер Леони. Однажды присутствовавший на обеде молодой, задиристый офицер заявил, что берется проучить старого медведя, перед которым все испытывают священный страх. За едой Джонсон был глух к дерзостям молодого человека, однако затем, когда тот сказал: «Держитесь веселей, доктор Джонсон, не отмалчивайтесь, скажите-ка нам, что бы вы дали, чтобы стать таким же молодым и энергичным, как я?» — отпарировал: «Я, пожалуй, чтобы не отстать от вас, отдал бы свой ум».

Лоренс Стерн. Вскоре после того, как «Тристрам Шенди»^[14] увидел свет, Стерн спросил одну знатную даму, читала ли она его книгу.

— Нет, мистер Стерн, не читала. Мне, если хотите всей правды, очень не советовали за нее браться. Говорят, она чудовищно непристойна.

— Помилуйте, — отвечал автор «Тристрама», — вы меня удивляете. Взгляните хотя бы на вашего младенца. (Тот в это время голышом катался по ковру.) Ему ведь случается показывать миру то, что принято скрывать, но разве его поведение назовешь непристойным?

Оливер Голдсмит. Голдсмиту вечно доставалось от доктора Джонсона, который был не в пример остроумней и язвительней. Но однажды отличился и Голдсмит. Разговор зашел о баснях. Голдсмит заметил, что берется написать хорошую басню, ибо дело это несложное, нужно только, чтобы звери говорили каждый «на своем языке», что, впрочем, баснописцам удается не часто.

— Взять, к примеру, басню о рыбах, — продолжал Голдсмит, — которые, позавидовав крылатым, попросили Юпитера обратить их в птиц. — Тут, заметив, что Джонсон еле сдерживается от смеха, Голдсмит прервал свою тираду и обратился к приятелю со следующими словами: — Это, между прочим, не так просто, как кажется. Если бы случилось изобразить рыб вам, доктор Джонсон, они бы больше смахивали на китов.

Ричард Бринсли Шеридан. Шеридан не только не обиделся, но остался очень доволен, когда один из членов труппы припомнил слова критика Мери, сказанные им на премьере «Школы злословия»^[15] в конце второго акта: «Хватит действующим лицам болтать! Пора начинать пьесу!»

Однажды вечером, когда в Друри-Лейн шла «Школа злословия», театру оказали честь своим посещением его и ее величества. Садясь после спектакля в карету, король сказал провожавшему его Шеридану:

— «Школа злословия» мне очень нравится, но «Соперников» я, признаться, люблю больше^[16]. Могу их смотреть бесконечно.

— Когда же, мистер Шеридан, мы увидим ваш очередной шедевр? — в свою очередь, поинтересовалась у драматурга королева, на что Шеридан ответил, что пишет комедию, которую в самом скором времени собирается закончить.

На следующий день, гуляя с ним по Пикадилли, я спросил, сказал ли он королеве, что пишет пьесу. Шеридан ответил утвердительно.

— А по-моему, — сказал я, — вы уже больше ничего не напишете. Вы ведь боитесь.

— Кого же я боюсь? — спросил Шеридан.

— Автора «Школы злословия», — ответил я.

Кольридж, не без влияния Шеридана, в один прекрасный день сочинил трагедию, играть которую решили в Друри-Лейн. На читке пьесы присутствовал и Шеридан, который остроумной шуткой чуть было не испортил все дело. Действие одной из сцен происходило в пещере, со стен которой сочилась вода. Монолог одного из героев, укрывшегося в пещере, начинался — очевидно, не случайно — со слов: «Воды, воды!» На этом месте Шеридан не выдержал и воскликнул:

— Какая несправедливость! Герои трагедии мучаются жаждой, между тем как сама трагедия — одна сплошная вода!

Роберт Бёрнс. Рассказывают, что Бёрнс любил демонстрировать искусство пахаря. Как-то он поспорил с одним крестьянином, кто больше вспашет. Бёрнсу взять верх не удалось.

— Вот видишь, Роберт, — сказал крестьянин, — у меня получается ничуть не хуже.

— Слов нет, — отвечал Бёрнс, — пашешь ты отменно, но кое в чем ты все-таки уступил мне. За это время я сочинил два стихотворения!

Уильям Вордсворт. Однажды, гуляя по Пэлл-Мэлл, мы с Вордсвортом вошли в антикварную лавку «Кристис», где висела очень хорошая копия «Преображения», которую он раскритиковал в пух и прах. В углу стояла скульптура целующихся Купидона и Психеи. Повернувшись спиной к «Преображению», Вордсворт с выражением лица, которое я никогда не забуду, покосился на Купидона и Психею и процедил: «Вот черти!»

Когда кто-то заметил, что следующим романом Скотта будет «Роб Рой»^[17], Вордсворт снял с полки свой том «Баллад»^[18], прочел вслух «Могила Роб Роя», а затем, поставив том обратно, заметил:

— По-моему, к уже сказанному мистеру Скотту добавить больше нечего.

Один мелкий банковский служащий пытался убедить своего собеседника, будто большую часть стихов Вордсворт написал в темноте. «Вам, наверно, не верится, однако это чистая правда — он сам мне рассказывал. Обычно это происходило так: перед тем как лечь спать, Вордсворт клал карандаш и бумагу у своего изголовья, и, как только вдохновение посещало его, он, не медля ни секунды, даже не зажигая свечи, принимался сочинять стихи. Нет сомнения, — продолжал чиновник запальчиво, — что каждый, кто пишет стихи в темноте, по праву может считаться истинным поэтом. Только под покровом ночи начинает вибрировать неподдельная поэтическая струна. У того же Вордсворта есть стихи, которые я взялся бы написать сам, зажги я свечу или работая при свете дня, но ночью, в кромешной тьме, это было бы и мне не под силу. Ведь нужно к тому же научиться разбирать собственный почерк. Нет, что ни говорите, Вордсворт — великий поэт!»

Вальтер Скотт. Вальтер Скотт любил рассказывать историю о некоем Микле, возмнившем себя великим поэтом. Лучшие свои стихи Микль сочинял во сне, но, на свою беду, утром не мог вспомнить ни строчки. «То, что я сочиняю во сне, не идет ни в какое сравнение с тем, что я пишу при свете дня», — уверял незадачливый поэт. Как-то утром он, по

обыкновенно, принялся сетовать на свою горькую поэтическую судьбу. Жена его успокоила.

— Под утро, — сказала она, — я проснулась и слышала последние строчки твоего ночного шедевра. Вот они:

Я не страшусь врагов хулы
Излить на кустик примулы.

Сэмюэль Тейлор Кольридж. Был в Риджентс-парке, где мне рассказали историю про Кольриджа. Однажды он ехал верхом, не помню с кем, в Кезвик, в старом, вышедшем из моды сюртуке. Увидев приближающихся знакомых, он предложил, что поедет сзади и притворится слугой своего спутника, на что его спутник якобы сказал:

— Нет. Я горжусь, что вы — мой друг, но иметь такого слугу мне было бы стыдно.

Кольридж был великолепным собеседником. Однажды утром, когда Хукем Фрир, Кольридж и я вместе завтракали, Кольридж три раза кряду, не запнувшись, заговаривал о поэзии, и я искренне пожалел, что сказанное им никто не записывал. Иногда, впрочем, его рассуждения бывали совершенно невнятными, их не мог понять не только я, но и другие. Однажды днем, когда он занимал квартиру за Пэлл-Мэллом, мы с Вордсвортом зашли его навестить. Часа два Кольридж говорил не переставая, и Вордсворт слушал его с глубоким вниманием, то и дело в знак согласия кивая головой. Когда мы вышли, я спросил Вордсворта:

— Вы что-нибудь поняли из того, что он говорил? Я, признаться, не понял ни единого слова.

— И я тоже, — последовал ответ.

Когда Кольридж рассуждал о поэзии, он забывал все на свете. Лэм рассказывает, что как-то, увлекшись, поэт схватил его за пуговицу сюртука и принялся развивать очередную идею. При этом глаза его были закрыты и он размахивал свободной рукой в такт речи. Шло время. Кольридж говорил, не умолкая ни на секунду. Лэм покорно топтался на месте до тех пор, пока не услышал, как церковные часы пробили полдень. Это вывело его из оцепенения. Прервать увлеченного собеседника не было никакой возможности. Лэм незаметно вытащил из кармана перочинный нож, отрезал пуговицу — и был таков, освободив себя от необходимости прерывать непомерно затянувшуюся

филиппику рассеянного приятеля. Каково же было его изумление, когда спустя некоторое время, возвращаясь домой мимо того места, где он оставил Кольриджа, Лэм обнаружил, что тот стоит как стоял, с закрытыми глазами, размахивая одной рукой в такт речи и держа в другой пуговицу от сюртука, с лихвой заменившую ему неблагодарного слушателя.

Роберт Саути. Вернувшись с озер, я передал Порсону слова Саути, сказавшего мне:

— «Мэдок»^[19] принес мне немного денег, но этой поэмой будут гордиться мои потомки.

— «Мэдока» будут читать, только когда забудут Гомера и Вергилия, — сказал Порсон.

Уильям Хэзлитт. Однажды Джон Лэм (брат Чарльза) сбил с ног оскорбившего его Хэзлита. Когда присутствовавшие при этом эпизоде стали уговаривать Хэзлита пожать обидчику руку и простить его, тот сказал:

— Мне его прощать не за что. Я метафизик, и мне безразлично, когда меня бьют. Сбить меня с ног может только идея.

Джордж Гордон Байрон. Он заказал обед из *tratteria*¹, и в ожидании обеда и мистера Александра Скотта, которого он пригласил провести с нами вечер, мы вышли на балкон полюбоваться, пока не стемнело, каналом.

Когда же я, глядя на еще светлое на западе небо, заметил, что «в итальянских закатах есть какая-то удивительная розовая поволока», лорд Байрон, стоило мне произнести «розовая поволока», зажал мне рот рукой и со смехом сказал:

— Черт возьми, Том, умерь свой неуемный поэтический темперамент!..

Перси Биши Шелли. Саути любил читать вслух свои скучнейшие эпические поэмы. Друзья обязаны были внимать ему. Однажды этой попытке подвергся и Шелли. Саути заманил свою жертву в кабинет на втором этаже, запер потихоньку дверь и сунул ключ в карман. Оставалось, правда, распахнутое окно, но было оно так высоко, что сам барон Мюнхгаузен не рискнул бы через него спастись.

— Надеюсь доставить вам удовольствие, — сказал рачительный хозяин. — Устраивайтесь поудобней и наберитесь терпения.

Делать нечего, юный Шелли вынужден был повиноваться. Саути тем временем сел напротив за стол, раскрыл тетрадь и принялся за чтение. Вскоре он так увлекся собственным опусом, что совершенно перестал следить за реакцией покорного слушателя. Тот, в свою очередь, никак себя не обнаруживал. Первый раз Саути оторвал глаза от тетради лишь спустя несколько часов. Шелли в кресле не было; убаюканный монотонным чтением и туманным смыслом, он, сам того не заметив, сполз со стула и теперь крепко спал, уютно устроившись в ногах хозяина дома.

Ничего удивительного поэтому, что отношения у Шелли и Саути не сложились.

Однажды Шелли случилось путешествовать в почтовой карете. День выдался жаркий. Неожиданно экипаж остановился, и кучер посадил в него толстую старую крестьянку с двумя корзинами и мешком в придачу. Крестьянка опустила поклажу на пол и уселась возле Шелли, обдав его терпким запахом пота. Вдобавок корзины и мешок были доверху набиты гнилыми яблоками и луком. Дорога предстояла долгая, юный поэт был слишком нежным существом, чтобы на протяжении всего путешествия вдыхать «букет зловоний сей». Шелли стало дурно, но тут счастливая мысль его осенила. Вдруг вид его сделался ужасен, он весь побелел, повалился со скамьи на пол и, замахав руками, истошно закричал:

Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,
Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан — всех убили².

«Господи, помилуй и спаси! — заголосила до смерти напуганная старуха. — Спасите, Христом Богом молю, спасите!»

Когда же Шелли прокричал последние слова «всех убили», бедная женщина, похватав свои корзины и мешок, распахнула дверцы почтовой кареты и со словами «Убивают!» выскочила из нее на ходу. Своим избавлением Шелли был в равной степени обязан собственной находчивости, Ричарду III и великому Шекспиру.

Томас Карлейль. Вечером разговор зашел о войне в Соединенных Штатах^[20].

— Они режут друг другу глотки только потому, — заметил Карлейль, — что одни предпочитают нанимать себе прислугу на всю жизнь, а другие — на час-другой.

Россетти рассказывал, как Карлейль, гуляя с Уильямом Аллингемом в окрестностях Кенсингтонского музея^[21], поделился с ним своими планами написать жизнеописание Микеланджело, а затем, уловив повышенный интерес своего спутника, заметил:

— Но имейте в виду, про его искусство в этой книге написано будет немного.

Альфред Теннисон. Когда Теннисон появился в Оксфорд-тиэтр, где ему должны были вручать почетный диплом доктора церковного права, его красивые, выющиеся волосы были разбросаны по плечам в полном беспорядке.

— Мальчик, что-то ты загулялся. Иди домой, мамочка зовет! — раздался чей-то голос с галерки.

Восторженная почитательница Теннисона, к своему несказанному удовольствию, однажды сопровождала поэта в прогулке по его старому английскому саду. Они спустились по склону холма; Теннисон молчал, не произнесла ни звука и гостья, боясь, что пропустит бесценное высказывание великого человека. Молчание длилось все время, пока они прогуливались по саду. Когда же они вернулись к тому месту, откуда их прогулка началась, Теннисон внезапно обронил: «Уголь нынче дорог». Гостья не нашлась что ответить, Теннисон же, промолчав еще несколько минут, заговорил вновь. «Мясо я покупаю в Лондоне», — сообщил он, после чего вновь воцарилось молчание. И тут поэт-лауреат^[22], остановившись возле обглоданных, поникших гвоздик, с жаром, словно подводя итог разговору, воскликнул: «Опять эти проклятые кролики!» Прогулка с великим человеком подошла к концу.

Уильям Мейкпис Теккерей. Как-то Теккерей вынужден был ждать своего издателя в приемной, устланной огромным ковром с сочным красно-белым узором. Когда издатель наконец появился, автор «Ярмарки тщеславия» в сердцах произнес:

— Все это время я не спускал глаз с вашего восхитительного ковра. Здесь он как нельзя более кстати. Он выткан из крови и мозгов ваших несчастных авторов.

На замечание собеседника о том, «какое, должно быть, счастье ощущать себя преуспевающим романистом», Теккерей мрачно ответил:

— Лучше работать в каменоломне.

Роберт Браунинг. В письме к другу в августе 1873 года Роберт Браунинг пишет: «Вчера я получил очередной номер “Спектейтора”^[23], где сказано, что я назвал Байрона “камбалой”... Это сушая клевета. В жизни своей не посягнул я на его поэтический дар. Впрочем, однажды я действительно высказался в том смысле, что если бы Байрон воплотил в жизнь свои поэтические мечтания и предпочел морское царство земному, с рыбами он ужился бы не в пример лучше».

Обедая однажды у Роберта Браунинга, я стал свидетелем следующей сцены. Какой-то не в меру пылкий его почитатель весь вечер не отпускал поэта от себя; держа его за пуговицу сюртука, он засыпал его вопросами: что Браунинг хотел сказать этой строкой, в чем смысл этого образа и т. д. Наконец терпение поэта лопнуло, и он со свойственной ему светской непринужденностью заметил своему увлечемому почитателю:

— Простите меня, ради бога. Я вижу, я вас совсем заговорил!

Чарльз Диккенс. Диккенс, как известно, был замечательным рассказчиком. Вот одна из любимых его историй.

Англичанин и француз договорились драться на пистолетах в крохотной комнатке с потушенными свечами. Благородный англичанин, не желая понапрасну проливать кровь ближнего, на ощупь пробрался к камину и разрядил свой пистолет в дымоход. И что же? Он убивает наповал несчастного француза, который со страху забрался в камин.

— Когда я рассказываю эту историю в Париже, то, разумеется, прячу в камин англичанина, — добавлял Диккенс.

Форстер^[24] объяснял Диккенсу, что смерть малютки Нелл^[25] — художественная необходимость, и Диккенс с ним

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru